

Генри Лайон Олди

Семь смертных

*Часть сборника
Тени моего города (сборник)*

Генри Лайон Олди

Семь смертных

Серия «Тени моего города», книга 6

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183095

Аннотация

«Люська опять ела арахис.

Какое там ела – жрала, давилась, чавкала. Ухватит пальчиками, и давай жмакать, шелуху лущить. И в рот, в рот! – один желтоватый катышек за другим... Запах – от стены до стены. Ошметки шелухи – где ни попадя. На клавиатуре, на полу, у нее на коленках, туго обтянутых колготочным ажуром; у меня, блин, в печенках!..»

Содержание

Вторник. Гнев	4
Четверг. Чревоугодие	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Генри Лайон Олди

Семь смертных

Вторник. Гнев

Люська опять ела арахис.

Какое там ела – жрала, давилась, чавкала. Ухватит пальчиками, и давай жмакать, шелуху лущить. И в рот, в рот! – один желтоватый катышек за другим... Запах – от стены до стены. Ошметки шелухи – где ни попадя. На клавиатуре, на полу, у нее на коленках, туго обтянутых колготочным ажуром; у меня, блин, в печенках!

– Корова! – не выдержал я. – Жвачное, растудыть!

Люська не откликнулась.

– Я тебе сколько раз? Сколько, я спрашиваю!

Молчит. Жует.

– Щас по морде размажу! Жрешь, как не в себя...

Хлопнув ресницами – точно, коровыми! угадал... – Люська ткнула остреньким маникюром в эмо-карту, висевшую у нее над столом, между видом на гребаный Колизей и конопатой мордой Сеньки, ее дебила-сына, заключенной в рамку, как в тюрьму.

Я пригляделся.

Делать мне нечего, как ее карту помнить. Ну да, точно.

Людмила Марковна Нечувалова. Вторник: Ч-62 %. Подпись доктора, закорючка астролога-аналитика; печать клиники. Дата последнего освидетельствования. «График недельных колебаний без существенных отклонений...» У этой буренки по вторникам чревоугодие, да еще и выше среднего. Сегодня разве вторник? Вечно забываю, чтоб ее, дуру... Потому как у меня по вторникам Г-71 %. Гнев, значит. И процент выше Люськиного. Натянуло бы до восьмидесяти пяти, подал бы заявление. На отгулы. Отгулов, ясен пень, не дали бы, пожлобились, зато позволили бы работать на дому.

Гнев от 85 % – социально опасен.

– Убью, – буркнул я, душевным усилием гася ярость до приемлемой.

– Я в столовую, – доложила Люська. – Тебе принести бутерок?

– Пошла в жопу!

– Иду, уже иду...

Цок-цок, каблучки. Задом виляет, торопится. Шалава.

– Виктор Павлович, вас шеф зовет.

– Какого черта?!

– Придете-узнаете...

У секретарши Валечки по вторникам Л-47 %. Она от лени на ходу засыпает. Ко мне еле дотащилась. Зевает во всю пасть. Хоть бы рукой прикрылась, лимита деревенская. Когда на работу брали, вторничная лень у Валечки фиксировалась не выше тридцатки. Еще год-два, и с такими темпами

роста...

Ничего, шеф ей напарницу подыщет. Это у него, козла, быстро.

Когда я вошел, шеф быстро шаркнул мышкой.

Это он зря. А то я не в курсе, какое окошечко он сейчас свернул. Sexorilochka, новые видеоролики. Черненькие, беленькие, желтенькие. Деточки, развратницы, толстухи. Горы совокупающегося мяса.

– Репортажец, – буркнул шеф.

Он сопел и пыхтел, с трудом восстанавливая дыхание. Узкий лоб взмокшел, покрылся блестящими каплями пота. Бисер, значит. Сам перед собой мечет.

– «Княжий двор», новый ресторан в парке. Оператором возьми Генчика, он в курсе.

– Генчик? – я сжал кулаки. – Генчик идет лесом. Он у меня полтинник занял.

– И что?

– Ничего. Не отдает. На фиг Генчика.

– Не морочь мне голову.

– Я ему морду разобью. И объектив.

Шеф сощурился, вглядываясь в меня.

– А-а... Забыл. Ты ж сегодня полное Г. В четверг сходи. У тебя что в четверг? Чревоугодие? – он вывел на дисплей эмо-карты сотрудников, нашел мою. – Ага, хорошо. Вот и поешь от пуза. Княжата обещали, от щедрот.

Он все глядел и глядел на меня, словно впервые видел.

– Слушай, как тебе Валька? – вдруг спросил он. – Ну, с утра?

– Дырка с ручкой, – честно ответил я. – Гнать поганой метлой.

– Вот и я так думаю. Томная, теплая. Драть метлой. Скажи ей, пусть зайдет. Я ей кое-что продиктую.

– Глубже диктуй. С подтекстом.

– А ты не хаами, не хаами. Забуду, что друг детства, вставлю по самое... – взгляд шефа лип к телу, как мокрое белье. – Без вазелина... Короче, возьми Генчика. Возьми его за это... за самое...

Еще минута, и я дал бы ему в дыню.

– Я пошел?

– Что? Да, иди, – туманный глаз моргнул. – Вальку позови.

По вторникам у шефа похоть. П-47 %+. Плюс означал непредвиденные колебания в сторону роста.

– Толик?

– Нет, уголовка!

Тупость жены доводила до бешенства. Человек открыл дверь своим ключом, разувается в прихожей, а эта дура из комнаты интересересуется: муж, или нет? Ясное дело, это Чероки, наш мопс. Сам выгулялся, сам вернулся. Тапочки берет – жевать.

Идиотка!

Чероки прятался на балконе. Он, гад, хуже барометра. Чует, когда у меня гнев или алчность. Его тогда ничем не при-
манишь. Однажды руку прокусил, до кости. Я хотел его, пад-
люку, за шкуру. Он мою барсетку сгрыз.

Зато по четвергам ходит за мной хвостом. А за женой –
по воскресеньям.

– Ужин есть?

– Макароны...

– Опять макароны?!

– В шкафчике. Ты свари их, Толик...

Лежит на диване, сволочь. На лбу – мокрое полотенце.
Мигрень, депрессия, мировая скорбь. Л/У-54 %. Если у
Вальки сегодня чистая лень, то у моей – с вариациями. Лень/
уныние. На днях была передача, какой-то профессор разъяс-
нял, почему эти грехи – двойняшки. Источники цитировал,
на авторитеты ссылался.

Мудозвон.

С трудом удержавшись, чтобы не рассказать жене все, что
я думаю про ее неваренные макароны, я пошел на кухню.
Лучше так. В мае не сдержался, врезал. Назавтра стыдно бы-
ло – хоть вешайся. Она на шее виснет, целует, в постель та-
щит. «Бьешь, значит, любишь!» Ну конечно, у нее в среду –
похоть. А у меня-то – зависть. Отцеловываюсь, лишь бы от-
стала, а сердце колотится. Хорошо, мол, тебе, родная. Фин-
гал под глазом – и тот в радость.

Мне бы так...

– Толик?

– Ну что?

– Сделай мне чаю... умираю, Толик...

Ага, умирает она. Еще меня переживет.

Ничего. Бывает хуже. Вон у Авраменко по вторникам чистый цирк. У него – гордыня, у нее – гнев. Весь дом ходуном ходит. Менты через раз. Меня как-то позвали успокаивать. А у меня тоже Г. Чуть не сел лет на пять. Хорошо, Авраменко утюг отобрал. Здоровый, собака. Сказал: никто иной, как я, ее убью. И в позу встал.

Я дверь хлопнул и больше к ним – ни ногой.

Четверг. Чревоугодие

...и что мы имеем с холодильника?

Гуся, увы, не наблюдается. Опа-на! Балычок-с! Горбуша? Она, родимая. Сейчас мы ее на хлебушек, да с маслицем, да сверху – лимончиком... Где у нас лимончик? И веточку укропа... Сыр? «Дор-Блю», «зеленая марка»? Любимый мой! Нет-нет, мы никуда не торопимся. Мы медленно спустимся с горы... На ломоть батона – «толстым-толстым слоем», как правильно учит нас реклама – и в микроволновку. Тридцать секунд. Ага, кофе подоспел. Ветчинка, помидорухи, шпротики – «Рижское золото», с медалями! – тортик на сладкое...

Заморим червячка?

– Толик, ты сдурел?

– Ыгм?

– Тут еды на неделю! Нам обоим! А ты!.. ты...

С сожалением откладываю бутерброд. Надо прожевать. Надо ответить. Внятно и убедительно. Иначе благоверная не отстанет.

– Какую неделю, Лидок! Оно ж испортится! Укроп вянет, ветчина сохнет. Про балык я вообще молчу. Пропадет! Жалко...

На «пропадет» супруга покупается. У нее, красавицы, по четвергам А-38 %. Алчность, или жадность, если по-просто-

му. Уровень так-сяк, терпимо.

Запасы в холодильнике – со вчера. Похоть по средам – это кстати. Именины сердца! А путь к сердцу мужчины лежит, как известно, через желудок. Наша похоть – не только безумный секс, но и полный холодильник.

Эту истину жена усвоила.

– Балык – ладно... и правда, пропасть может. А сыр?

– Ну, сыр...

– А шпроты зачем открыл?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.